

После того как Оуян взял управление в свои руки, он провёл два этапа строгого отбора, сократив общее количество императорских поместий до двенадцати и объединив их в единый комплекс, который стал настоящим «императорским поместьем».

Однако дальнейшие планы по переустройству пришлось отложить до весны, когда земля оттаёт и можно будет приступить к работам. Сегодня Оуян прибыл под предлогом «расследования», но на самом деле его целью был «осмотр».

По прибытии на место Оуян приказал выдать каждому из «экзаменуемых» из Управления внутреннего двора заранее подготовленные кожаные плащи с капюшонами и перчатки с открытыми пальцами. После того как они облачились, он раздал каждому стопку белой бумаги, закреплённой на деревянной дощечке железными зажимами, и «толстый» карандаш — толстый во всех смыслах: помимо грубой обработки, деревянная часть, фиксирующая грифель, была толще обычной ручки для кисти, а сам графит был почти такого же диаметра, как мизинец.

Помимо десяти человек, присланных Ци Юньхэном, такие же принадлежности получили Люлюй, которая уже занималась канцелярской работой, и Хуан Пэн, молодой евнух, приведённый Пан Чжуном.

Хуан Пэн, которому было всего пятнадцать или шестнадцать лет, был евнухом, попавшим во дворец ещё во времена прошлой династии. Когда его держали в императорском поместье, ожидая решения своей судьбы, он ухватился за возможность, признав Пан Чжуна своим приёмным отцом, и был выведен из поместья, после чего последовал за ним в Летний дворец.

По сравнению с десятью людьми, присланными Ци Юньхэном, Хуан Пэн был настоящим мастером письма и счёта, его мелкий каллиграфический почерк почти не уступал оуяновскому, а сложение и вычитание в пределах сотни он выполнял с лёгкостью. Его амбициозность превосходила даже его приёмного отца, и все свои навыки он приобрёл, тайком обучаясь во дворце прошлой династии. Его интеллект был несомненен, а упорство — поразительно.

После переезда в Летний дворец Хуан Пэн всеми силами старался приблизиться к Оуяну. Хотя он не проявлял явного намерения заменить своего приёмного отца, было очевидно, что он не собирался довольствоваться ролью простого посыльного.

Оуян ценил амбиции и способности Хуан Пэна, но не собирался оставлять рядом с собой такого человека, который мог бы сеять смуту.

На этот раз Оуян взял Хуан Пэна с собой, под предлогом предоставления ему возможности проявить свои таланты, но на самом деле он хотел избавиться от него, отправив в Управление внутреннего двора, где тот мог бы «светиться и гореть».

Молодой человек, отправляйся туда, где сможешь проявить себя!

Закончив подготовку, Оуян неспешно вышел вперёд, окинул всех взглядом и медленно заговорил:

— Сейчас я проведу вас по каждой семье в этом поместье, а ваша задача — записать все подробности о каждой из них. В первую очередь это касается численности семьи: сколько человек живёт в доме, кто старший, кто младший. После того как вы зафиксируете это, остальное оставляю на ваше усмотрение. В общем, смотрите, слушайте, записывайте, но не говорите! Время для демонстрации вашего красноречия настанет позже, а сегодня вам нужно

использовать только глаза, уши и руки — понятно?

— Поняли! — одиннадцать человек ответили нестройно, голоса раздавались с разной громкостью.

Оуян запомнил тех, кто отвечал вяло и без энтузиазма, затем повернулся к местному старосте, который уже подошёл, но был остановлен и не смог заговорить с ним.

— Староста Сяо...

— Здесь, ваша милость.

Староста по фамилии Сяо поспешно шагнул вперёд и поклонился Оуяну.

Староста Сяо, настоящее имя которого было Сяо Эргоу, был ровесником Оуяна, ему тоже было тридцать лет, но выглядел он куда старше, и его внешность и манеры не шли ни в какое сравнение с Оуяном.

Сяо Эргоу был обычным арендатором. Когда Ци Юньхэн прислал людей для управления императорским поместьем, он сам вызвался представлять интересы всех арендаторов поместья и добился «успеха», который удовлетворил остальных — все остались живы, и часть продовольствия каждой семьи была сохранена, хотя и с ограничениями.

Позже, когда Ци Юньхэн издал указ о выборе старост, Сяо Эргоу был выдвинут своим поместьем.

С тех пор он из Сяо Эргоу превратился в старосту Сяо, и даже старики в поместье называли его только Сяо Эр, больше не упоминая старое имя Эргоу. Лишь его овдовевшая мать в гневе иногда кричала: «Эй, Эргоу, ты, мерзавец!»

Оуян, хотя и бывал здесь лишь мимолетно, среди двенадцати старост, выбранных демократическим путём, считал Сяо Эра единственным, кто заслуживал остаться на руководящей должности после весенних преобразований.

Причина была проста: из двенадцати поместий то, которым управлял Сяо Эр, было самым чистым и единственным, где после каждого снегопада убирали снег и расчищали дороги.

Оуян выбрал поместье Сяо Эра в качестве места для «экзамена», чтобы лучше изучить его и решить, стоит ли включать его в начальную структуру Управления внутреннего двора.

— Ты слышал, что я только что сказал? — Оуян слегка приподнял веки, глядя на Сяо Эра сверху вниз.

— Да, слышал ясно, — почтительно ответил Сяо Эр.

— Тогда веди нас, — Оуян махнул рукой, — начнём с ближайшего дома. Таохун, принеси старосте Сяо плащ.

— Поняла, — Таохун немедленно отправилась выполнять приказ.

Сяо Эр слегка опешил, но затем облегчённо вздохнул. Он не знал, что задумал Оуян и чего он хочет, но если ему позволили идти вместе и вести их, значит, что бы они ни задумали, не собирались обходить его стороной.

— Наверное, ничего плохого?

С тревогой в сердце Сяо Эр взял у Таохун плащ, сначала поблагодарил Оуяна, а затем, набравшись смелости, накинул его на себя, и тут же ощутил желание больше никогда его не снимать.

Сяо Эр за свою жизнь не видел ничего особо ценного и не мог определить, из какого материала был плащ, но в тот момент, как он накинул его на плечи, пронизывающий холодный ветер потерял свою силу, и он сам почувствовал прилив сил от тепла.

Сердце Сяо Эра немного успокоилось, и он повёл Оуяна и его спутников к ближайшему дому.

Жители поместья уже заметили прибытие Оуяна и его людей, но из-за холода и понимания, что эти люди — важные персоны, с которыми лучше не связываться, они не высыпали на улицу, чтобы поглазеть.

Пока многие арендаторы украдкой наблюдали за Оуяном из своих домов, Сяо Эр уже привёл их к ближайшей глинобитной хижине.

Хижина была небольшой и построена очень просто: одна комната с пристроенной крошечной кухней, где можно было есть и спать.

Подойдя к двери, Сяо Эр поднял голову и крикнул:

— Лю Большеглазый!

— Кто там?! — немедленно раздался ответ из-за двери, но прошло некоторое время, прежде чем дверь открылась, и только настолько, чтобы человек мог высунуть голову.

— Чего уставился, не узнаёшь меня?! — Сяо Эр сердито посмотрел на него. — Выходи быстрее, это важные гости из императорского дворца, для тебя это большая честь, что они зашли к тебе!

— Староста Сяо? — Мужчина, которого звали Лю Большеглазый, похоже, только сейчас узнал Сяо Эра под плащом, и его выражение лица явно говорило: что это ты на себя надел?

— Выходи быстрее, не заставляй важных гостей ждать! — Сяо Эр снова сердито посмотрел на него, одновременно демонстративно встряхнув плащ.

Но Лю Большеглазый решил, что он просто выпендривается перед важными гостями, криво улыбнулся и, наконец, вылез из двери, быстро закрыв её за собой, то ли чтобы сохранить тепло, то ли чтобы не показывать, что внутри.

Из-за холода Лю Большеглазый не стал медлить, быстро подошёл к Сяо Эру, немного поколебался, но в конце концов поклонился Оуяну, сделав неуклюжий жест.

Оуян даже не взглянул на него, продолжая осматривать глинобитную хижину.

Люлюй, которая уже имела опыт подобных исследований в своём поместье и благодаря этому выделилась, самоуверенно вышла вперёд и, улыбнувшись Лю Большеглазому, сказала:

— Не бойся, мой господин просто хочет посмотреть, как живут люди в императорском поместье. Можно нам зайти внутрь?

Лю Большеглазый был очарован улыбкой Люлюй и замер, пока Сяо Эр, не выдержав, не пнул его ногой. Очнувшись, он машинально хотел согласиться, но, едва кивнув, сразу же одумался и начал мотать головой, как маятник.

Люлюй нахмурилась.

<http://bllate.org/book/16203/1454516>